

Публикации тувинских сказок и героических сказаний на русском языке в советский период: аспект политики памяти

Екатерина И. Красильникова

Новосибирский государственный технический университет, Российская Федерация,

Ирина С. Трояк

Государственная публичная научно-техническая библиотека

Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

В статье характеризуется влияние советской политики памяти на публикацию в книжных русскоязычных изданиях 1950–1980-х гг. тувинских сказок и героических сказаний. В процессе исследования было выявлено 19 изданий (включая переиздания) тувинских сказок и героических сказаний на русском языке, а также 23 сборника сказок разных народов, содержащие произведения тувинского фольклора.

Выявляются условия и факторы публикации русскоязычных книг, содержащих тувинские народные сказки. Раскрываются политико-идеологические контексты составления сборников, которые определяются как глобальный проект формирования советской культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию. Выявляются универсалистские смыслы советской политики памяти, повлиявшей на подготовку сказок к изданию.

Приведены примеры изменений от издания к изданию содержания отдельных сказок, обусловленные государственной политикой памяти. Выделены основные, качественно различающиеся этапы выпуска сборников сказок. Показаны различия между живой фольклорной традицией и сказками как достоянием книжной культуры, а также поверхностность культурных изменений в Туве советского времени, отражённых практикой издания народных сказок.

Ключевые слова: сказочный фольклор; сборник сказок; политика памяти; советская культурная модернизация; Тува; тувинская культура; тувинский фольклор

Работа выполнена при финансовой поддержке Новосибирского государственного технического университета, проект ТПИ-ИИП-1_25; Работа выполнена по плану научно-исследовательской работы Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, проект «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.», № 122041100088-9.

Для цитирования:

Красильникова Е. И., Трояк И. С. Публикации тувинских сказок и героических сказаний на русском языке в советский период: аспект политики памяти // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 26–38. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.2>

Красильникова Екатерина Ивановна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и политологии Новосибирского государственного технического университета. Адрес: Россия, г. Новосибирск, 639073, пр-т К. Маркса, д. 20. Эл. адрес: katrina97@yandex.ru

Трояк Ирина Сергеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории книговедения Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: Россия, г. Новосибирск, 630102, ул. Восход, д. 15. Эл. адрес: troyak@spsl.nsc.ru

KRASILNIKOVA, Ekaterina Ivanovna, Doctor of History, Head, Department of History and Political Science, Novosibirsk State Technical University. Postal address: 20 K. Marksa Av., 630073, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: katrina97@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0014-0655

TROYAK, Irina Sergeevna, Candidate of History, Senior Researcher, Laboratory of the Book Studies, State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 15 Voskhod St., 630102, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: troyak@spsl.nsc.ru

ORCID: 0000-0002-3325-4280

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Publications of Tuvan Fairy Tales and Heroic Tales in Russian during the Soviet Period: an aspect of Memory Policy

Ekaterina I. Krasilnikova

Novosibirsk State Technical University, Russian Federation,

Irina S. Troyak

*State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation*

The article characterizes the influence of Soviet memory policy on the publication of Tuvan fairy tales and heroic epics in Russian-language book editions of the 1950s–1980s. During the study, 19 editions (including reprints) of Tuvan fairy tales and heroic epics in Russian were identified, along with 23 collections of fairy tales from various peoples that contained works of Tuvan folklore.

The authors identified the conditions and factors influencing the publication of Russian-language books containing Tuvan folk tales and revealed the political and ideological contexts of compiling these collections. These contexts are interpreted as part of the broader project of shaping Soviet culture — national in form, socialist in content. The study also highlights the universalist meanings embedded in Soviet memory policy, which influenced the preparation of fairy tales for publication.

The article provides examples of content changes in specific fairy tales from one edition to another, driven by state memory policy. The study identifies key qualitatively distinct stages in the publication of fairy tale collections. It also demonstrates the differences between the living folklore tradition and fairy tales as part of book culture, as well as the superficiality of cultural changes in Soviet-era Tuva, as reflected in the practice of publishing folk tales.

Keywords: *fairy tale folklore; fairy tale collection; memory policy; Soviet cultural modernization; Tuva; Tuvan culture; Tuvan folklore*

Financing

The work was carried out with the financial support of Novosibirsk State Technical University, the TP-IIP-1_24 project; The work was carried out according to the research plan of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the project “Transformation of book culture in social communications of the XIX–XXI centuries”, No. 122041100088-9.

For citation:

Krasilnikova E. I. and Troyak I. S. Publications of Tuvan Fairy Tales and Heroic Tales in Russian during the Soviet Period: an aspect of Memory Policy. *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 26-38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.2>

Введение

Признание сказочных традиций народов России в качестве нашего общего культурного наследия воспринимается сегодня как данность, как нечто самоочевидное. Однако до сих пор слабо осознается то, что в самом обобщенном, часто клишированном виде народная сказка излагает историю народа, формируя в сознании человека и общества базовое представление об актуальном прошлом и отношении к этому прошлому. Общеизвестно то, что под воздействием модернизационных процессов живые сказочные традиции ослабевают и вовсе прерываются. Средством спасения сказки от забвения обычно мыслится письменная фиксация текстов, а также их последующее представление в книжных изданиях.

Несмотря на все более широкое распространение в современности электронных форматов записи и репрезентации произведений фольклора, выпуск сказок в виде традиционных печатных книг про-

должается, регулярно переиздаются популярные в советское время сборники народных сказок. Многие поколения российских детей воспитаны на этих произведениях.

Книгоизданию сказок предшествовала работа ученых-фольклористов, собиравших и обрабатывавших сказки. Современная фольклористика во многом опирается на советский опыт. Иными словами, сказки народов России, в том числе и тувинские сказки, известны современным читателям преимущественно посредством книг, созданных в советское время. Это обстоятельство побуждает задуматься о политико-идеологических наслоениях сказочных текстов и об их продолжающемся влиянии на коллективную память. Уже поверхностное знакомство с «кухней» советского фольклориста приводит к признанию того, что сказка, некогда исполнявшаяся сказителем, и сказка книжная — разительно отличаются, будучи достоянием культур разного типа. Книжная сказка репрезентирует историческое прошлое довольно специфично. В советское время эта специфика во многом определялась государственной политикой памяти, но ее влияние на книгоиздание народных сказок изучено еще слабо.

Необходимо учитывать, что в живой традиции сказка воспринималась далеко не только как детское развлечение. К примеру, тувинское понятие *тоол* относится не только к сказкам, но и к героическим сказаниям¹. Эпос и героические сказания исполнялись для взрослых слушателей и зимними вечерами, и на похоронах, и во время пребывания на охоте, и в длительных поездках (Орус-оол, 2019: 200). На этапе перехода сказки в книжный формат произведения фольклора народов Сибири публиковались как в детских книжных сборниках, так и в журналах, рассчитанных на взрослую аудиторию, к примеру, в «Сибирских огнях». Сказка была призвана не только воспитывать подрастающее поколение, но и формировать мировоззрение взрослых, которые должны были участвовать в государственном проекте строительства социалистической культуры на фундаменте культуры народной с ее исходными представлениями о прошлом. Именно поэтому нам представляется актуальным взгляд на публикацию на русском языке сказок народов Сибири, как на функционирование канала трансляции государственной политики памяти, определявшей массовые представления об истории отдельных этнокультурных общностей и советского общества в целом.

Целью данного исследования является характеристика влияния советской политики памяти на публикацию в книжных русскоязычных изданиях 1950–1980-х гг. тувинских сказок и героических сказаний. В задачи исследования входит определение исторических условий и факторов создания русскоязычных сборников тувинских сказок и героических сказаний и последующей их публикации в сборниках сказок народов СССР; выявление контекстов советской политики памяти, влиявшей на разных исторических этапах на процесс книгоиздания сказок и героических сказаний тувинцев; демонстрация примеров изменения содержания тувинских сказок от издания к изданию, обусловленных влиянием динамики советской политики памяти.

В ситуации, когда по политико-идеологическим причинам необходимы восстановление или искусственное конструирование утверждаемой этнокультурной традиции, важным источником интерпретации исторического прошлого народа становится его устное народное творчество. Это касается, прежде всего, советской политики памяти, в рамках которой осуществлялся поиск проявлений идеологически и классово «верной» ориентации в культурах этносов, как правило, не имевших своей письменной истории. Итоги и перспективы изучения истории тувинского фольклора и фольклористики отражены в работах И. А. Вчерашней, Д. С. Куулара, Л. В. Гребнева, А. К. Калзана, С. М. Орус-оол, М. А. Хадаханэ, З. Б. Самдан (Вчерашняя, 1955; Гребнев, 1960; Калзан, 1971; Куулар, 1959; Орус-оол, 2001, 2011; Самдан, 1987, 1994, 2003, 2015; Хадаханэ, 2008) и др. Однако в них по большей части анализировались сами фольклорные тексты, а не издательская практика их выпуска и ее идеологическая составляющая.

Методологическим ориентиром исследования послужило проблемное поле *Memory studies*, в рамках которого активно разрабатываются подходы к изучению политики памяти и ее влияния на коллективную память об общем прошлом различных социальных групп, включая региональные сообщества больших государств (Политика памяти ... , 2023: 5–23).

Источниками исследования послужили русскоязычные книжные издания тувинских сказок и героических сказаний, выходившие в РСФСР в 1950–1980-е гг., а также опубликованные в советский

¹ Кара-оол Ч. А. Детский фольклор как механизм социализации ребенка в традиционной культуре тувинцев (конец XIX — нач. XXI в.): дис. ... канд. ист. наук, Улан-Удэ, 2015. С. 89–90.

период сборники сказок разных народов, включавшие произведения тувинского фольклора. Публикации на тувинском языке нами не использовались.

Всего с момента вхождения Тувы в 1944 г. в состав СССР и до его распада в 1991 г. на тувинском и русском языках было выпущено около 40 отдельных изданий тувинских сказок и героических сказаний. Публикация началась в Кызыле. Первый сборник на тувинском языке вышел в 1947 г.¹, на русском — в 1954 г.² В 1961 г. тувинские сказки были опубликованы отдельным изданием в московском «Детгизе»³. Помимо сборников, тувинские сказки печатались в виде моноизданий какого-то одного произведения для детской аудитории. Такая практика часто использовалась при публикации сказочного фольклора разных народов. В процессе исследования было выявлено 19 изданий (включая переиздания) тувинских сказок и героических сказаний на русском языке, вышедших с 1954 по 1988 г., из которых 12 было выпущено в Кызыле, 6 — в Москве и одно — в Новосибирске.

В 1950–1970-е гг. количество изданий тувинских сказок на тувинском и русском языках было практически одинаковым, а в 1980-е гг. выпуск этого вида произведений тувинского фольклора отдельными изданиями уменьшился как на русском, так и на тувинском языках. Одновременно можно отметить увеличение числа сборников сказок народов СССР, которые, помимо центральных, выходили в каждом республиканском, краевом или областном издательстве. До конца 1960-х гг. в сборниках сказок народов СССР печатались только сказки титульных наций союзных республик. Тувинские сказки в этот период включались в сборники сказок народов Сибири. Публикация сказок представителей национальных автономий и малых народов СССР в сборниках общесоюзного охвата и тематических изданиях со сказками разных народов началась в 1970-е гг. и продолжалась в следующем десятилетии. К настоящему моменту нами выявлено 23 таких сборника, содержащих произведения тувинского сказочного фольклора на русском языке.

Условия и факторы публикации тувинских сказок на русском языке в советское время

В конце 1920-х гг. в тувинская культура быстро трансформировалась под воздействием политических преобразований. В Тувинской Народной Республике образцом для культурной трансформации выступал СССР. В ориентире на СССР, руководство республики приняло решение о преподавании во всех школах русского языка, что являлось важным условием сближения прежде мало связанных между собой тувинской и русской культур. С 1941 г. тувинский язык был переведен на кириллицу с латиницы, которой пользовались в республике с момента введения письменности в 1930 г. (Кужугет, 2006: 182). Распространение грамотности стимулировало развитие литературы, которая изначально конструировалась по европейским образцам. Творчество писателей и поэтов было в высокой степени идеологизированным, перед литературой ставились, прежде всего, задачи политической борьбы за социализм. Фольклор не отрицался, но официальное отношение к народной культуре являлось избирательным. Предполагалось разделять традиции «прогрессивные» и «реакционные». Соответственно, с идеологической позиции оценивались сказки и героические сказания, подвергавшиеся просеиванию через идеологическое сито.

Процессы трансформации культуры усилились после вхождения Тувы в СССР в 1944 г. Тува включилась в строительство универсальной для СССР социалистической культуры. Это требовало коренных изменений в образе жизни, а также, помимо всего прочего, включения книжного дела Тувы в советскую модель книжной культуры. Прежде кочевывшие тувинцы переходили к оседлости, осваивали грамоту, привыкали к книжному формату знания как к общедоступному. В республике стало печататься множество журналов, газет и книг, как на родном, так и на русском языке. По мнению А. К. Кужугет, народная культура и профессиональная развивались практически параллельно, мало пересекаясь в силу разницы в задачах (там же: 224). Однако работа фольклористов происходила именно на стыке культуры народной и профессиональной. Специалисты, собиравшие, записывавшие, обрабатывавшие и готовившие к изданию сказки реально соприкасались с живой народной традицией, при этом им невольно приходилось участвовать в ее радикальном изменении. Фольклор в советское время

¹ Тыва улустун тоолдары. Кызыл: ТывНУЧ, 1947.

² Тувинские народные сказки / пер. и лит. обработка И. А. Плоткиной и Л. В. Гребнева. Кызыл: б. и., 1954.

³ «Детгиз» — издательство детской литературы.

считался истоком литературы тувинского народа. Однако советская литература ставила перед собой задачу воспитания нового человека, именно поэтому измениться должны были и традиционные сказки, поскольку, посредством их исконных версий задача переформатирования мировоззрения не могла быть достигнута.

Значительным фактором формирования книжного пласта социалистической культуры Тувы следует признать личностный фактор. Сказки собирались, обрабатывались и печатались благодаря деятельности целого ряда крупных ученых своего времени. Предыстория советской фольклористики в Туве открывается исследованиями В. В. Радлова и Г. Н. Потанина, начавшими сбор сказок еще в третьей четверти XIX в. В начале XX в. эту работу продолжили Н. Ф. Катанов и ссыльный революционер Ф. Я. Кон¹. Однако, в дальнейшем, вплоть до 1930-х гг. произведения фольклора в Туве не записывались и не изучались.

После введения письменности в ТНР, местная газета «Шын» объявила конкурс на сбор легенд и преданий. Лучшие из записей печатались в газете. За этим стояла инициатива Тувинской народно-революционной партии по сбору и изучению произведений устно-поэтического творчества с целью их использования в борьбе с так называемыми «пережитками феодального прошлого». X Великий хурал ТРНП принял постановление о необходимости публикации сказок, песен, пословиц, поговорок, загадок, частушек. В итоге, в период с 1938 по 1941 гг. был издан ряд сказок и героических сказаний на тувинском языке².

С созданием в 1945 г. Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) началось планомерное собирание и публикация сказок и героических сказаний. Наибольшее их количество было записано в 1940-е и 1950-е гг. С 1953 г. в Кызыле проводились Слеты народных сказителей и певцов Тувы, материалы которых продолжают публиковаться (Кунгаа, 2012). В последующие годы преимущественно фиксировались варианты уже известных фольклорных произведений. При публикации сказок и героических сказаний для широкого круга читателей и для детской аудитории предпочтение отдавалось не точности перевода, а литературной обработке³.

Первая публикация на русском языке текстов тувинских сказок для массового читателя состоялась в 1949 г. в сборнике «Сибирские сказки»⁴, составленном известным писателем А. Л. Коптеловым. Он же осуществил литературную обработку представленных в нем тувинских сказок «Жадный лама» и «Лисица и охотник», которые записал студент Новосибирского сельскохозяйственного института С. К. Бимбин.

В 1954 г. в Кызыле был опубликован первый выпуск сборника тувинских сказок на русском языке в переводе и литературной обработке Л. В. Гребневой⁵ и И. А. Плоткиной⁶. В него вошли переводы сказок, напечатанных ранее в изданиях на тувинском языке. В 1955 г. сборник был переиздан с некоторыми исправлениями. В это время свою деятельность по изучению тувинского фольклора начала М. А. Хадаханэ⁷. Она, совместно с Н. А. Сердобовым⁸, осуществляла литературную обработку и являлась составителем второго выпуска тувинских сказок (Кызыл, 1958)⁹; готовила к изданию сборники «Утес у солнца» (М.: Детгиз, 1961)¹⁰, «Тувинские сказки» (Новосибирск, 1970)¹¹, «Тувинские народные сказки» (М.: Детская литература, 1984)¹².

¹ Тувинские народные сказки / пер., сост. и примеч. М. Ватагина. М.: Наука, 1971. С. 6.

² Там же.

³ Тувинские народные сказки ... Новосибирск: Наука, 1994. С. 10–13.

⁴ Сказки народов Сибири / сост. А. Коптелов. Новосибирск: Новосиб. обл. гос. изд-во, 1949.

⁵ Гребнев Леонид Васильевич (1921–?) — историк-этнограф, исследователь Тувы и тувинского героического эпоса, первый заведующий сектором истории, археологии и этнографии ТНИИЯЛИ.

⁶ Тувинские народные сказки ... Кызыл: б. и., 1954.

⁷ Хадаханэ Мария Андреевна (1933–2021) — литературовед, переводчик, исследователь тувинской литературы и фольклора.

⁸ Сердобов Николай Алексеевич (1916–1986) — историк, писатель, педагог, специалист по новейшей истории Тувы, в 1951–1967 гг. директор ТНИИЯЛИ.

⁹ Тувинские народные сказки. Вып. 2 / лит. обработка Н. А. Сердобова и М. А. Изынеевой; сост. М. А. Изынеева. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1958.

¹⁰ Утес у солнца: Тувинские народные сказки. Москва: Детгиз, 1961. Переиздан в 1967 г. под названием «Тувинские народные сказки».

¹¹ Тувинские сказки / предисл. М. Хадаханэ. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970.

¹² Тувинские народные сказки / пересказ и лит. обраб. для детей М. Хадаханэ. М.: Дет. лит., 1984. Переиздан в 1988 г.

Рис. 1. Примеры изданий тувинских сказок 1950–1970-х гг.
 Fig. 1. Examples of editions of Tuvan fairy tales of the 1950s – 1970s.

В 1960–1970-е гг. в Кызыле были изданы третий выпуск тувинских народных сказок¹ (1964; подготовлен Н. А. Сердобовым), тексты героических сказаний в переводе и литературной обработке Л. В. Гребнева (1960, 1969, 1973), две сказки в отдельных книжках для детей младшего школьного возраста² и небольшой сборник для детей среднего школьного возраста³ (рис. 1).

После публикации в 1971 г. в московском академическом издательстве «Наука» сборника «Тувинские народные сказки»⁴ в переводе М. Г. Ватагина⁵ (по подстрочникам О. Кодур-оола) произведения тувинского фольклора вошли в широкий научный оборот. Однако, по мнению З. Б. Самдан, подача текстов в этом издании не отвечала всем фольклористическим требованиям⁶.

Литературная обработка произведений и формирование состава большинства сборников тувинских сказок, выпущенных в Кызыле, Новосибирске и Москве, принадлежали М. А. Хадаханэ. Тувинские сказки в книгах со сказками разных народов, независимо от места издания, представлены преимущественно в пересказе М. Г. Ватагина. Следует также отметить, что после 1960-х гг. не публиковались тувинские сказки в обработке А. Л. Коптелова, а в обработке Л. В. Гребнева и Н. А. Сердобова печатались крайне редко. В качестве примера можно привести книгу сказок народов Сибири «Сказание о просторе»⁷ (Ленинград: Лениздат, 1988), подготовленную Ч. Таксами. Большинство тувинских сказок в ней даны в переводе М. Г. Ватагина, но есть тексты из кызыльских изданий 1955, 1958 и 1964 гг.

¹ Тувинские народные сказки. Вып. 3 / лит. переложение Н. А. Сердобова; сост. А. К. Калзан. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1964.

² Золотая птица: тувинская народная сказка. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1964; Парень с тремя знаниями: тувинская народная сказка / пер. с тувин. М. Ватагина. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1972.

³ Оскюс-оол и Золотая дангына: Тувинские народные сказки / пер. с тувин. М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1980.

⁴ Тувинские народные сказки ... М.: Наука, 1971.

⁵ Ватагин Марк Германович (1933) — писатель, переводчик. В 1965 г. работал в газете «Тувинская правда», собирал произведения тувинского фольклора.

⁶ Тувинские народные сказки ... Новосибирск: Наука, 1994. С. 13.

⁷ Сказание о просторе: Сказки народов Бурятии, Горн. Алтая, Калмыкии, Тувы, Хакасии, Якутии и малых народов Сибири — долган, тофаларов и шорцев / сост., авт. послесл. и коммент. Ч. М. Таксами. Ленинград: Лениздат, 1988. 383 с.

Читая предисловия: влияние политики памяти на составление сборников сказок

Рассмотрим политико-идеологические контексты издания тувинских сказок и героических сказаний.

Первый русскоязычный сборник тувинских сказок предварялся кратким предисловием, сфокусированным на сообщавшей цель издания, а, по сути, отражавшим основные смыслы того, что сегодня можно назвать государственной политикой памяти. Помимо значимости сказки как средства сохранения и утверждения «лучших традиций и моральных качеств трудового народа»¹, произведения устного народного творчества мыслились как средство воспитания у трудящихся ненависти к угнетателям, а также как средство призвать народ к борьбе за свободную и счастливую жизнь. В заключение отмечалось, что «тувинский народ нашел свое счастье в братской семье народов Советского Союза»². Именно поэтому досоветское прошлое тувинского народа изображалось в сказках обобщенно и резко негативно с подчеркиванием остроты социальной несправедливости и неравенства. На генетическую связь сказки и религии внимания не обращалось.

В предисловии к изданию «Сказаний о богатырях» 1960 г.³, излагалась политизированная версия истории тувинского народа, определившая условия складывания фольклора и его главные смыслы. Тувинский народ был представлен как вечно угнетенная жертва порабовавших его монгольских и маньчжуро-китайских феодалов⁴, а в дальнейшем и Российской империи. Развитию мешала колониальная эксплуатация, а также внутренние проблемы Тувы — набеги и междоусобицы. Лишь после Октябрьской революции тувинцы «вдохнули свободу». Под этим стоит понимать не только изменение политики России в отношении тувинцев, но и их собственные изменения, прежде всего, мировоззренческие. Позитивным следствием этих перемен в изложенной Л. В. Гребневым официальной версии была названа национально-освободительная революция 1921 г., приведшая народ Тувы к последующему вхождению «в семью равноправных народов СССР»⁵.

Важнейшим историческим результатом этого политического решения виделось «успешное преодоление отсталости», выразившееся в создании своей «национальной по форме и социалистической по содержанию культуры»⁶. Л. В. Гребнев пояснял, что элементы национальной культуры, созданные на протяжении многих веков тувинским народом, получили в современности «дальнейшее всестороннее развитие и обогащение»⁷. Нам представляется важным обратить внимание на слово «элементы». Безусловно, Л. В. Гребнев не мог говорить о сколько-нибудь полной преемственности, перед ним стояла непростая задача показать хотя бы какие-то примеры преемственности смыслов, однако, эта попытка, на наш взгляд, получилась мало убедительной. В сфере литературы преемственность определялась им как неизменное отражение «движения от тяжелого прошлого к светлому коммунистическому будущему». Безусловно, мечты о коммунистическом будущем в традиционных сказках отсутствовали. Однако автор предисловия предлагал видеть признаки этой мечты в таких сказочных мотивах, как стремление к мирной трудовой жизни⁸, борьба героев из числа трудового населения с феодалами-теократами, черты которых, воплотились в образах злых духов Албыса и Шулбуса⁹, а также с ханами-грабителями, ханами-угнетателями¹⁰. Одновременно Л. В. Гребнев признавал, что «мечты народа не шли дальше хорошего, доброго хана»¹¹, что тувинцы верили в доброту ханов прошлого. Таким образом, идея движения к коммунистическому будущему, якобы, присутствующая уже в героических сказаниях, осталась неубедительной.

В 1960 г. была опубликована монография Л. В. Гребнева «Тувинский героический эпос» (Гребнев, 1960). В этой научной работе, более свободной от идеологического пафоса, подробнее, нежели в

¹ Тувинские народные сказки / пер. и лит. обработка И. А. Плоткиной и Л. В. Гребнева. Кызыл: б. и., 1954. С. 3.

² Там же. С. 5.

³ Сказания о богатырях: Тувин. героич. эпос / предисл., пер. и коммент. Л. В. Гребнева. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1960.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 11.

¹¹ Там же.

предисловии к изданию сказаний о богатырях, излагалось понимание автором исторических корней эпоса, определивших его содержание. Гребнев признавал, что эпос не выражал развитого классового самосознания народа (там же: 63). Однако, в духе времени сюжеты эпоса трактовались им в контексте классовой борьбы, хотя собственно классы и не назывались, речь шла преимущественно о «трудовом народе» и «угнетателях». Смысл эпоса виделся автору монографии в противостоянии героев, олицетворяющих народные ожидания, с захватчиками и ханами, грабившими и порабошавшими трудовой народ. При этом, отвечающей политико-идеологической атмосфере послевоенного времени, когда Гребнев работал над монографией, представляется нам его идея о мирной созидательной жизни, как о главной исторической мечте тувинского народа. Характеризуя героя эпоса не только как заступника, но и как «товарища по труду» (там же: 60–61), автор монографии буквально переносил в эпическое прошлое современные ему представления о герое послевоенного восстановительного периода, когда защитники Родины возвращались к станку и трактору.

Следуя общим для страны идеологическим установкам, Л. В. Гребнев старался показать не связь эпоса с религией, а его противостояние буддизму и шаманизму. Ученый уличал феодально-бюрократические круги в «обработке» эпоса, который они «пытались использовать для распространения в народе ламаизма» (там же: 66). За этим разоблачением следовал бездоказательный тезис об отрицательном отношении народа к распространению буддизма (там же: 66).

Предисловие к третьему русскоязычному сборнику тувинских сказок, вышедшему в 1964 г., не отражает каких-либо явных изменений, связанных с влиянием на тексты политики памяти. Сказки характеризовались как глубоко самобытные, однако подчеркивались их смыслы, представлявшие в это время универсальными: отчетливое противопоставление аратов-бедняков ханам, чиновникам, шаманам и ламам; ненависть к поработителям; моральное превосходство простого человека, его честность, смелость, гуманизм, трудолюбие; вековая мечта о свободной и счастливой жизни, которая воплотилась только после Великого Октября¹.

Изданный в Новосибирске в 1970 г. сборник тувинских сказок² отразил обновление политико-идеологических установок, связанных с широкой пропагандой интенсивного хозяйственного освоения сибирских окраин и свершившегося преодоления их прежней «отсталости». В 1970-х гг. писалась «наинouvelшая» история успехов социалистического строительства в последние годы, которая угрожала буквально перечеркнуть всю местную историю до этой великой модернизации. Поддержание внимания к культурному наследию, в частности к национальным сказкам, понималось как мера по предотвращению такой дегуманизации. Предисловие к сборнику, написанное М. А. Хадаханэ, начиналось описанием богатства тувинских недр, а также «строителей новой жизни» — «замечательных тружеников»³ Тувы. Это предисловие отразило новый этап в понимании смыслов сказочного фольклора. Тема классовой борьбы более не акцентировалась, подчеркивались морально-этические смыслы сказок: «Настоящее место на земле — человеку честному трудолюбивому, смелому и бескорыстному»⁴. Бесклассовое общество мыслилось уже построенным, поэтому достаточным было обобщить: «Человек может быть счастлив в борьбе за лучшую жизнь — такова основная мысль сказок»⁵. Сказка воспринималась как артефакт, сохранившийся от прежней эпохи, отражающий ее инаковость. М. А. Хадаханэ говорила о Туве как о месте, где еще живы традиции, до сих пор существуют сказители, к которым фольклористы ездят каждое лето, но известны народные сказки новому поколению тувинцев уже скорее из книг, имеющихся в каждом доме⁶. Однако при всем смягчении отношения к прошлому, оно должно было восприниматься как нечто вторичное в сравнении с современностью — временем, более прекрасным, чем время всякой волшебной сказки.

Выпущенный в 1971 г. в московском издательстве «Наука» сборник тувинских сказок⁷ еще ярче отразил изменения в трактовке исторических условий, в которых формировался сказочный фольклор Тувы. Академичность издания предполагала обращение к истокам тувинской культуры, осмысление

¹ Тувинские народные сказки ... Кызыл: Тувкнигоиздат, 1964. С. 3.

² Тувинские сказки / предисл. М. Хадаханэ. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Тувинские народные сказки / пер., сост. и примеч. М. Ватагина. М.: Наука, 1971.

ее связи с историей других народов Сибири, в том числе с письменной древнетюркской культурой. Прошлое Тувы более не характеризовалось в категориях отсталости и мрачности. Напротив, подчеркивалось, что «остатки древних городищ, древних выработок, многие тысячи курганов, обелиски, сохранившиеся до наших дней, говорят о существовании самобытной цивилизации на территории Тувы»¹. Характеризуя смыслы сказок, составители сборника минимально затронули тему классовой борьбы, лишь пояснив, что в сказках мечта о социальной справедливости превращалась в историческую мечту о добром хане, которым должен стать простой человек, бедняк. Эта же мечта делала героя судьей. Общий же смысл сказок характеризовался как сражение богатырей между собой и с иноземными захватчиками, защита «народной земли» и утверждение превосходства человека над фантастическими обитателями неведомых мест.

В конце 1960-х гг. Л. В. Гребнев подготовил к изданию еще одно героическое сказание — «Бокту-Кириш и Бора-Шээлей», которое было опубликовано в Кызыле в 1969 г.² Несмотря на изменения идеологического фона, Гребнев оставался верен своим, сложившимся еще в 1950-х гг., взглядам на историю, отраженную тувинским эпосом. Однако его введение к новой книге было уже не столь одиозным, как в прежних изданиях. Л. В. Гребнев повторял мысли о противостоянии здорового устного народного творчества шаманизму и ламаизму, о проявленном в сказках осознании тувинским народом необходимости борьбы за лучшую долю, о ненависти к угнетателям и стремлении к справедливости³.

Наконец, уже в 1984 г. вышел еще один советский сборник сказок, составленный М. А. Хадаханэ. Предисловие к этому сборнику провело еще более четкую разделительную грань между прошлым и настоящим, чем предисловие к сборнику 1970 г. Если в предыдущем издании М. А. Хадаханэ отмечала, что в Туве еще живы сказочные традиции, то в середине 1980-х гг. она говорила о сказках как «бережно сохраненной традиции», однако, уже оторванной от естественной среды ее бытования. Автор предисловия поясняла, что еще недавно тувинцы жили в юртах, кочевали в долинах рек и были неграмотными. Теперь же они живут в благоустроенных домах, а в горах, которые ранее считались священными и неприступными, найдены и добываются уголь, асбест, металл⁴.

Вспоминая своего деда, когда-то рассказывавшего сказки внукам в юрте у очага, М. А. Хадаханэ очевидно ностальгировала. Это настроение было типичным для того времени, когда после ускоренной модернизации и последовавшей за ней урбанизацией начала явно осознаваться неоднозначность отказа от традиционной культуры. Однако смысл сказок обобщался с использованием привычных старых формулировок: «В сказках раскрывались думы простых тружеников, сталкивались интересы бедных и богатей. В сказках простые люди почти всегда выходят победителями, несмотря на все препятствия, они продолжают бороться и в конце концов обретают счастье»⁵.

Изменения содержания сказок в контексте политики памяти

Корпус текстов, которые печатались в сборниках тувинских сказок или произведений сказочного фольклора разных народов, окончательно определился к началу 1970-х гг. Всего в рассматриваемый период на русском языке было опубликовано около 80 тувинских сказок.

Наиболее часто встречающейся⁶ (14 раз) является сказка «Парень с тремя знаниями»⁷, которая входит в состав трех сборников тувинских сказок и восьми сборников сказок народов СССР и других, а также дважды выпущена в качестве моноиздания для детей. 11 раз (в т. ч. 7 раз в сборниках тувинских сказок) была напечатана сказка «Голодный волк и козленок»⁸, по 10 раз публиковались сказки «Каша

¹ Тувинские народные сказки ... М.: Наука, 1971. С. 5.

² Бокту-Кириш и Бора-Шээлей : Тувин. нар. сказание / пер. с тувин., предисл. и коммент. Л. Гребнева. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1969. Переиздано там же в 1973 г.

³ Бокту-Кириш и Бора-Шээлей : Тувин. нар. сказание / пер. с тувин., предисл. и коммент. Л. Гребнева. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1973. С. 8–9.

⁴ Тувинские народные сказки ... М.: Дет. лит., 1984. С. 3.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Подсчет проводился, включая переиздания.

⁷ Также печаталась под названиями «Оксюс-оол, постигший три науки», «Оксюс-оол, который постиг три науки».

⁸ Др. названия «Голодный волк и козлик», «Голодный волк и жирный козленок».

в кувшине»¹ и «Храбрый козлик»². В числе распространенных можно также назвать сказки «Ленивая сова» (9 раз), «Верблюд»³, «Мудрый филин» и «Почему птицы не говорят» (по 8 раз). Всего около четверти из опубликованных на русском языке в 1949–1991 гг. тувинских сказок включались в книжные издания от 5 до 10 раз, примерно половина – от 2 до 4 раз. Наиболее редко встречающимися (публиковались только один раз) являются некоторые сказки из сборников, выпущенных в Кызыле в 1954–1955 гг. и 1958 г., а также примерно третья часть произведений из московского издания 1971 г.

Исследователи тувинского фольклора в качестве основных видов тувинских сказок называют богатырские, волшебные, бытовые, о животных (Самдан, 1994: 14–17). При этом отмечается, что богатырские сказки в народе четко не отделяются от героического эпоса и часто его отрывки превращались в самостоятельные сказочные сюжеты (там же: 18). По числу записей, сделанных сотрудниками ТНИИЯЛИ, преобладают бытовые и волшебные сказки (там же: 33). Они же составляют 2/3 от всех опубликованных в советское время тувинских сказок. Однако в ряду произведений, наиболее часто встречающихся в сборниках, количественно доминируют сказки о животных, лишь потом следуют бытовые. Это вполне объяснимо, учитывая ориентацию большинства изданий на детскую аудиторию. Среди напечатанных в сборниках не более одного раза преобладают богатырские сказки.

Сравнение содержания наиболее часто публикуемых в советский период тувинских сказок в зависимости от места и времени публикации позволяет сделать вывод, что корректировки текстов были связаны в первую очередь с их литературной редакцией, и не сильно зависели от изменений социально-политической конъюнктуры, как это удалось ранее выявить при изучении алтайских сказок (Красильникова, Вальдман, Трояк, 2021). Политико-идеологические контексты прописывались в предисловиях к сборникам в соответствии с требованиями времени, однако глубинные пласты народной культуры, несмотря на проводившуюся обработку сказочного тувинского фольклора, похоже, не были затронуты и не подверглись сильным искажениям. Следует также отметить, что некоторые отличия в текстах тувинских сказок обуславливались еще и с тем, что литературные обработчики использовали разные варианты записей.

Самая печатаемая тувинская сказка «Парень с тремя знаниями» на русском языке впервые была опубликована в сборнике «Тувинские народные сказки» (Кызыл, 1954) в обработке Л. В. Гребнева и И. А. Плоткиной. В 1960-е гг. сказка не публиковалась, и появилась вновь только в московском издании 1971 г., подготовленном М. Г. Ватагиным. Потом, в его же пересказе, она еще 8 раз включалась в сборники сказок разных народов.

Развитие сюжета не претерпевало изменений от издания к изданию. Однако интерес вызывает завершение сказки. Ее главный герой Оксюз-оол, победив хана в игре в шахматы, по условиям договора отрубает ему голову. В публикации 1954 г. в заключение говорится: «Так с помощью своих знаний избавил Оксюз-оол народ от жестокого Караты-хана»⁴. В варианте, опубликованном в сборнике издательства «Наука» в 1971 г. сказано, что «больше никто в тех землях на голову не играл. А Оксюз-оол, постигший три науки, стал править ханством»⁵. Именно в этом варианте сказка и публиковалась в дальнейшем в большинстве известных нам сборниках сказок народов СССР. Однако в некоторых адресованных детям изданиях⁶ сказка была явно переделана с учетом аудитории и вместо жестокой игры на голову, Оксюз-оол играл с ханом на освобождение его пастухов. При этом в выпущенном в Кызыле в 1972 г. моноиздании⁷ этой сказки для младшего школьного возраста оригинальная версия текста была сохранена.

Сказка «Голодный волк и козленок» (вторая по числу опубликований — 11) на русском языке впервые была напечатана в сборнике тувинских сказок, изданном в Кызыле в 1958 г. в литературной обработке Н. А. Сердобова и М. А. Хадаханэ (Изынеевой). В сборник издательства «Наука» (Москва, 1971), подготовленный М. Г. Ватагиным, сказка включена под названием «Голодный волк и жирный

¹ Др. название «Жадный лама». В сб. 1964 г. сюжет является частью сказки «Лама и суслик».

² Др. названия «Храбрый козленок», «Козлик — медные рожки».

³ Др. название «Как верблюд стал некрасивым».

⁴ Тувинские народные сказки... Кызыл: б. и., 1954. С. 60.

⁵ Тувинские народные сказки ... М.: Наука, 1971. С. 155.

⁶ Например, в изданиях: Оксюз-оол и злой хан : Тувин. нар. сказки / пересказал М. Ватагин. М.: Малыш, 1971; Сказки народов СССР / составитель Г. Ертлесова. Алма-Ата: Жалын, 1986. С. 95–97.

⁷ Парень с тремя знаниями ...

козлик». Сюжетно тексты не отличаются, разница заметна лишь в обработке. Текст, представленный М. Г. Ватагиным, характеризуется более пространными описаниями, в то время как вариант М. А. Хадаханэ лаконичен. В конце сказки в переводе М. Хадаханэ охотник «убил волка наповал», а у М. Г. Ватагина после выстрела охотника «волк упал». Обе версии впоследствии публиковались. При этом перевод М. А. Хадаханэ печатался чаще (7 раз) и входил во все подготовленные ею сборники тувинских сказок, а перевод М. Г. Ватагина после публикации 1971 г. помещался только в сборники сказок народов СССР.

Интересна судьба тувинских сказок «Жадный лама» и «Лисица и охотник», представленных А. Л. Коптеловым в сборнике «Сказки народов Сибири» (Новосибирск, 1949). В обеих сказках отрицательные персонажи (лама и хан) погибают от рук бедняков. Судя по всему, сказки были достаточно сильно литературно обработаны, а их трагическое завершение для персонажей, представлявших угнетателей простого народа, символизировало закономерный итог революционных преобразований. Об этом можно судить, например, по эпитетам, которыми характеризуется лама. На протяжении всего текста подчеркивается его жадность и отсутствие стыда («как и у всякого ламы»). Если в начале сказки бедняки по традиции относятся к нему как к «святому человеку», то в конце сказки называют «хитрым» и «поганым». Последнее объясняется тем, что «Лама сам не работал, а чужую кашу ел»¹.

Сказка «Жадный лама» в 1961 г. вышла под названием «Каша в кувшине», в подготовленном М. А. Хадаханэ сборнике тувинских сказок в Москве. В этом варианте лама тоже погибает, но не от рук простых людей, а задохнувшись от быстрого бега. В 1964 г. в сборнике «Тувинские народные сказки» (Кызыл, 1964) данный сюжет является частью сказки «Лама и суслик». В этой версии лама не погибает, а всего лишь оказывается посрамлен из-за своей жадности. Во всех других изданиях сказка печаталась в варианте, представленном М. А. Хадаханэ в 1961 г. Нужно сказать, что резко отрицательное описание ламы присутствует лишь в тексте, подготовленном А. Л. Коптеловым. Во всех других изданиях лама — это скорее глуповатый и жадный, однако, вполне безобидный персонаж, хотя и символизирующий досоветское прошлое. Такое изменение можно объяснить снижением к началу 1960-х гг. необходимости демонстрировать на примерах фольклора остроту классово-борьбы.

В обработке А. Л. Коптелова тувинские сказки встречаются только в выпущенных в Новосибирске в 1950, 1956 и 1964 гг. переизданиях «Сказок народов Сибири»² и сборнике сибирских сказок «Серебряная книга», вышедшем в 1962 г. в Горно-Алтайске³. Интересно, что в сборнике «Сказки народов Сибири», выпущенным Западно-Сибирским книжным издательством в 1984 г., переводчиком указана М. А. Хадаханэ, но при этом сказка «Лисица и охотник» дословно повторяет текст в обработке А. Л. Коптелова из вышеназванных изданий. Больше сказка «Лисица и охотник» нигде не публиковалась.

Заключение

Появление тувинских сказок в виде русскоязычных книжных сборников стало результатом планомерной реализации советской культурной политики на всей территории государства и в Туве, в частности. Встав на социалистический путь развития еще до вступления в состав СССР, Тува испытывала значительное культурное влияние Советского Союза. После Великой Отечественной войны, в Туве реализовывались типовые для всей страны приемы и методы культурного строительства, мыслившегося советской властью как единый, всесоюзный процесс. Культура и фольклор Тувы были еще очень плохо знакомы русским.

Как мы выяснили ранее, в 1930-х гг. сказки народов Сибири, к примеру, алтайские, нередко переписывались составителями сборников под воздействием жесткой государственной политики памяти, поэтому, к 1950-м гг. их публикации сильно отличались от тех, что выходили в 1920-х гг. (Красильникова, Вальдман, Трояк, 2021). Сказки Тувы не претерпели таких метаморфоз. В 1950-х гг. на русском языке их печатали впервые, прежде всего, чтобы доказать русскоязычным читателям

¹ Сказки народов Сибири... С. 192.

² Сказки народов Сибири / сост. А. Коптелов. Новосибирск: Новосиб. обл. гос. изд-во, 1950; Сказки народов Сибири / сост. А. Коптелов. Новосибирск: Кн. изд-во, 1956; Сибирские сказки / сост. и предисл. А. Л. Коптелова. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964.

³ Серебряная книга: сибирские сказки / лит. обработка А. Л. Коптелова. Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1962.

универсальность основного содержания тувинских сказок. Готовя предисловие и комментарии к сказочным изданиям, составители сборников старались следовать актуальным для текущего момента трендам государственной политики памяти.

Однако нельзя не заметить некоторого отставания Тувы от этих трендов. Первые сборники должны были доносить до читателей ранее утвердившуюся в СССР идею выражения сказками смыслов классовой борьбы. Но уже в 1960-х гг. считалось, что с классовой борьбой в стране было покончено, соответственно терялась острота актуальности соответствующих сказок, в числе которых были богатырские. Прошлое репрезентировалось книжными сказками как условно другое в социальном смысле время — отдаленный от современности этап закладки существующих порядков и ценностей, когда добро начало побеждать зло, некогда господствовавшее в мире. При этом, чем дальше, тем сильнее подчеркивалась эта инаковость сказочного прошлого и его отдаленность от настоящего — времени воплощения сказочных мечтаний. Заметно смягчалась сюжетная острота, зафиксированная в самых ранних сказочных текстах на русском языке. В этом можно усмотреть признаки разрыва с фольклорной традицией, усугубление отказа принимать ценность ее самобытности. Составители сборников шли на «облагораживание» сюжетов в расчете на читателя, которому будут непонятны «жестокости», слабо связанные по своему культурному происхождению с формированием универсалистских советских представлений о социальной справедливости. Однако в кызыльских изданиях, даже ориентированных на детей, содержание сказок оставалось ближе к традиционному и не искажалось с учетом возраста аудитории. Это подтверждает уже установленную тенденцию поверхностности изменений духовной культуры Тувы в советское время¹ и во многом показной характер ее трансформаций по советскому сценарию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вчерашняя, И. А. (1955) Тувинские народные сказки // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 3. Кызыл : Тувкнигоиздат. 151 с. С. 136–148.
- Гребнев, Л. В. (1960) Тувинский героический эпос : опыт историко-этнографического анализа. М. : Издательство восточной литературы. 147 с.
- Калзан, А. К. (1971) О тувинской фольклористике // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 15. Кызыл : б. и. 296 с. С. 186–191.
- Красильникова, Е. И., Вальдман, И. А., Трояк, И. С. (2021) Издания алтайских сказок и героических сказаний в контексте конструирования советской политики памяти 1920–1980-х годов // Научный диалог. № 11. С. 235–253. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-235-253>
- Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово : Издательство КемГУКИ. 319 с.
- Кунгаа, М. Б. (2012) Новый сборник сказок на тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 215–216.
- Куулар, Д. С. (1959) О тувинских легендах и преданиях // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 7. Кызыл : б. и. 302 с. С. 134–142.
- Орус-оол, С. М. (2001) Тувинские героические сказания (Текстология, поэтика, стиль). М. : МАКС ПРЕСС. 424 с.
- Орус-оол, С. М. (2011) О тувинской фольклористике: основные направления развития // Российская тюркология. № 1. С. 53–62.
- Орус-оол, С. М. (2019) Полевые исследования фольклора тувинцев-тоджинцев // IV Всероссийский конгресс фольклористов: Тула, 1–5 марта 2018 г. : сб. науч. ст. в 3 т. / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова ; ред. А. Б. Ипполитова. М. : ГРДНТ имени В. Д. Поленова. Т. 2. Многообразие фольклорных традиций: история и современность. 416 с. С. 197–207.
- Политика памяти в России — региональное измерение (2023) / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН. 471 с.
- Самдан, З. Б. (1987) От фольклора к литературе : (На материале тувин. прозы 40–70-х гг.). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 80 с.

¹ Харунова М. М. Социально-политические преобразования в Тувинской автономной области (1944–1961 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2003. С. 22.

Самдан, З. Б. (2003) Тувинские мифы и сказки: система образов и поэтико-стилевые особенности // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. С. 95–102.

Самдан, З. Б. (2015) Роль научной школы А. К. Калзана в развитии духовной культуры тувинского народа // История науки и техники. № 8. С. 42–50.

Самдан З. Б. (1994) Мир тувинской сказки // Тувинские народные сказки / сост., вступ. ст., подгот. и подстроч. пер. текстов, коммент. и словари З. Б. Самдан. Новосибирск : Наука. 460 с. С. 10–34.

Хадаханэ, М. А. (2008) Очерки тувинской культуры. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 66 с.

Дата поступления: 05.09.2024 г.

Дата принятия: 27.09.2024 г.

REFERENCES

Vcherasnyaya, I. A. (1955) Tuvan folk tales. In : *Uchënye zapiski TNIYALI*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing house. Issue 3. 151 p. Pp. 136–148. (In Russ.).

Grebnev, L. V. (1960) *Tuvan heroic epic: An experience of historical and ethnographic analysis*. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoy literatury. 147 p. (In Russ.).

Kalzan, A. K. (1971) On Tuvan folklore studies. In: *Uchënye zapiski TNIYALI*. Kyzyl, s. n. Issue 15. 296 p. Pp. 186–191. (In Russ.).

Krasil'nikova, E. I., Val'dman, I. A., and Troyak, I. S. (2021) Publications of Altai fairy tales and heroic legends in the context of constructing Soviet memory policy of the 1920s–1980s. *Nauchnyy dialog*, no. 11, pp. 235–253. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-235-253>

Kuzhuget, A. K. (2006) *Spiritual culture of the Tuvans: Structure and transformation*. Kemerovo, Izdatel'stvo KemGUKI. 319 p. (In Russ.).

Kungaa, M. B. (2012) A new collection of fairy tales in the Tuvan language. *New Reaerch of Tuva*, no. 4, pp. 215–216. (In Russ.).

Kuular, D. S. (1959) On Tuvan legends and traditions. In: *Uchënye zapiski TNIYALI*. Kyzyl, s. n. Issue 7. 302 p. Pp. 134–142. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2001) *Tuvan heroic legends (Textology, poetics, style)*. Moscow, MAKS Press. 424 p. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2011) On Tuvan folklore studies: Main directions of development. *Rossiyskaya tyurkologiya*, no. 1, pp. 53–62. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2019). Field research on the folklore of the Tuvan-Todzshins. In: *IV All-Russian Congress of Folklorists: Tula, March 1–5 2018: collection of scientific articles: in 3 vol. / comp. V. E. Dobrovol'skaya and A. B. Ippolitova; ed. by A. B. Ippolitova*. Moscow, GRDNT imeni V. D. Polenova. Vol. 2. 416 p. Pp. 197–207. (In Russ.).

Memory policy in Russia — regional dimension (2023). Ed. by A. Miller and D. V. Efremenko. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 471 p. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (1987) *From folklore to literature: Based on Tuvian prose of the 1940s–1970s*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing house. 80 p. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2003) Tuvan myths and fairy tales: Image system and poetic-stylistic features. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 95–102. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2015) The role of A. K. Kalzan's scientific school in the development of the spiritual culture of the Tuvan people. *Istoriya nauki i tekhniki*, no. 8, pp. 42–50. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (1994). The world of the Tuvian fairy tale. In: *Tuvan folk tales / comp., introd. art., prep. and word-for-word trans. of texts, comments and glossaries by Z. B. Samdan*. Novosibirsk, Nauka. 460 p. Pp. 10–34. (In Russ.).

Khadakhane, M. A. (2008) *Essays on Tuvan culture*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing house. 66 p. (In Russ.).

Submission date: 05.09.2024.

Acceptance date: 27.09.2024.